

риментальных предметов, значительно обогащавших традиционный для того времени учебный процесс. Приводя данные о продуктивности работы Музыкальных классов, программах концертных ученических вечеров, авторы письма от имени всех членов Царицынского отделения «ходатайствуют перед Главной дирекцией о переименовании Музыкальных классов в Музыкальное училище, с правами средне-учебных заведений» [2, л. 95–96]. Концертно-просветительская деятельность Царицынского отделения с каждым годом становилась все более интенсивной и разнообразной, но основной ее формой оставались общедоступные концерты. Наряду с камерными нередко проводились и симфонические вечера, организованные с участием местных и приезжих артистов. К примеру, в симфоническом концерте (проходившем в зале мужской Александровской гимназии) и одном из камерных вечеров (состоявшемся в здании реального училища) были исполнены Пятая симфония Бетховена и концерт для фортепиано с оркестром Грига, романсы Гречанинова и Аренского, Трио Мендельсона, прелюдии Рахманинова (Там же, л. 12об).

В заключение подчеркнем мысль о том, что значительным успехам музыкальной культуры и образовательной системы в области музыкального искусства дореволюционного Царицына в известной мере может позавидовать и современный Волгоград. Именно поэтому одной из задач современного краеведения являются тщательное изучение имеющихся и поиск новых архивных источников, что позволит в должной мере осветить благородный подвижнический труд многих наших земляков – царицынских музыкантов, педагогов, меценатов, заложивших своей творческой деятельностью множество замечательных культурных традиций.

Литература

1. Алексеев-Борецкий А. Из истории Царицынского отделения РМО // «Musicus» (Вестник Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова). СПб., 2009. № 6. С. 4–5.
2. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.), ф. 408, оп. 1, д. 652, л. 84.
3. Весь Царицын. 1911 // НСБ ГУ «Государственный архив Волгоградской области». Инв. № 16825, л. 79.
4. Отчет Царицынского Отделения Императорского Русского Музыкального Общества и учреж-

денных при нем Музыкальных классов (1911–1912) // НСБ ГУ «Государственный архив Волгоградской области». Царицын, 1912. С. 1–67.

Activities of Tsaritsyn Department of the Imperial Russian music society and establishment of the system of music education in Tsaritsyn

There is covered the issue, little-studied in the local history, of establishment of the system of professional music education in pre-revolutionary Tsaritsyn. With the use of new archival materials and modern researchers' works, there is suggested the review of the stages of beginnings of Tsaritsyn Department of the Imperial Russian music society and its Music classes as the first educational institution of the music art. For the first time in scientific literature, there is given the unknown information about charitable and organizational activities in the field of music education of major Tsaritsyn supporters, in particular, A.A.Repnikov, A.V.Lapshin, G.G.Serebryakov.

Key words: Imperial Russian music society (IRMS), Tsaritsyn department of IRMS, Music classes, A.A.Repnikov, A.V.Lapshin, G.G.Serebryakov, A.V.Orlov, concert educational activity, musical evenings.

Р.В. СКОЛОТА
(Астрахань)

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ в 1920 – 1925 гг. В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ (на примере Астраханской губернии)

Охарактеризовано влияние общества на взаимоотношения государства и церкви в 1920-х годах. Материал подготовлен на основе документов из фондов астраханских архивов.

Ключевые слова: церковь, государство, общество, религия, история церкви, антирелигиозная работа.

В настоящее время велик интерес к истории государственно-церковных отношений в советский период. Он вызван потребностью исторической науки в адекватной оценке советского прошлого нашей страны, а так-

же благодаря доступности ранее засекреченных документов. В то же время в современных исторических исследованиях уделяется мало внимания роли общества в государственно-церковных отношениях. В настоящей статье на примере Астраханской губернии и на основе архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, дана характеристика общественных настроений как фактора, влияющего на взаимоотношения РПЦ и Советского государства.

С приходом к власти большевиков жизнь населения страны кардинально изменилась. Прежде всего, революционные события 1917 г. повлияли на процессы внутри так называемого «гражданского треугольника» – государство – общество – церковь. Революция поставила церковь и государственную власть во взаимную оппозицию. При этом общество стало тем звеном, которое могло оказать и оказывало влияние на государственно-церковные отношения. В этой связи исследование общественных настроений в контексте государственно-церковных отношений в первой половине 1920-х гг. предполагает, в нашем случае, анализ религиозности населения и его отношения к антирелигиозной политике местных властей.

Для влияния на общественное мнение (касающегося как религии и церкви, так и государственных мероприятий) советские власти в центре и на местах использовали достаточно мощный агитационно-пропагандистский аппарат. Самыми заметными структурами в нем были Агитпропотдел и Союз безбожников (СБ). Результаты работы агитаппарата напрямую зависели от уровня доверия населения государственной власти. В сельской местности этот уровень был крайне низким. Причиной тому была, прежде всего, экономическая политика, проводимая властями в деревне. В начале 1920-х гг. большая часть сельского населения находилась за чертой бедности. Положение резко ухудшилось после начала голода летом 1921 г. В голодающих регионах (в том числе и в Астраханской губернии) власти оказались неспособными решать поставленные временем задачи. Развернув широкую агитационную деятельность, они использовали все имеющиеся возможности для получения средств от самого населения. Прежде всего, под лозунгами борьбы с голодом был ужесточен контроль над сбором налогов, а также введены новые сборы. Большая часть крестьянских хозяйств находилась к этому времени на грани разорения. Пытаясь хоть как-то существовать, многие сельские жители скрывали свои земли и скот от налогов. В декабре

1921 г. газета «Коммунист» сообщала, что в Астраханском и Енотаевском уездах при проверке были обнаружены 7997 десятин (8736,7 га) пахотной земли и 1528 голов разного скота, скрытых от налогов [5]. При этом из номера в номер звучали призывы об уплате всех налогов, получение которых напрямую связывалось с объемами помощи голодающим.

В это время на население была возложена обязанность платить всевозможные прямые и косвенные налоги и сборы. Среди них продналог, гужевой налог, гербовый сбор, подворный налог, промышленный сбор, различные государственные займы, квартирный налог, подоходный налог, подоходно-поимущественный налог, налог на сады и др. (Там же). В связи с этим отчеты о политическом и социальном состоянии уездов, направляемые в губернский отдел внутреннего управления, содержат массу упоминаний о недовольстве властью местного населения. В сводке о политическом состоянии Золотухинской волости Енотаевского уезда за декабрь 1922 г. сообщается о «неблагоприятном» отношении к коммунистам [9, л. 5], а в отчете за март 1923 г. о положении дел в Копановской волости того же уезда уже напрямую говорится о «ропоте среди населения, ввиду больших налогов» (Там же, л. 14). 1 апреля 1923 г. руководство Владимирской волости сообщает в губернию о том, что отношение к коммунистам остается недоверчивым (Там же, л. 28).

В октябре 1923 г. из Владимирской волости сообщали, что хозяйства крестьян постепенно приходят в упадок, т.к. вырабатываемая продукция не оправдывает годовые расходы. При этом волисполком указывал, что крестьяне считают непосильным возложенный на них сельхозналог [9, л. 110]. В отчетах на конец 1923 г. из других волостей сведения о бедственном положении крестьян и их неспособности выплатить налоги повторялись почти слово в слово. Губернское руководство, проанализировав представленные отчеты, дало указание: «Если не удастся убедить, применить репрессии» (Там же, л. 133). В уездах постановление поспешили исполнить. Например, в Енотаевском уезде 25 февраля 1924 г. на совещании налоговых работников уездного финотдела решили «принять жесткие меры по ликвидации недоимок по уравнительному сбору, подоходно-поимущественному, промысловому и сельскохозяйственному налогам» (Там же, л. 255). Меры по «выбиванию» недоимок привели лишь к ухудшению ситуации. На фоне этого сводки о политическом состоянии сельского населения постоянно сообщают об ухудшающемся отношении к Совет-

ской власти, хотя констатируют отсутствие открытых выступлений крестьян [9; 10; 11].

Бедственное экономическое положение сельского населения порождало его недоверие к местной власти и, как следствие, ко всем мероприятиям, проводившимся ею, в том числе и к антирелигиозной пропаганде. Так, например, в сводке о религиозном и политическом состоянии Владимирской волости за 1923 г. сообщалось: «К собраниям и конференциям население относится пассивно, очень мало обращает внимания на такое» [9, л. 28]. В протоколе совещания антирелигиозного актива при губкоме ВКП(б) от 14 октября 1927 г. отмечено, что даже в это время руководителями многих сельсоветов продолжали оставаться верующие люди, в селах отводились места под храмы, в пользование приходов отдавались сенокосные угодья, церкви снабжались стройматериалами для ремонта, население массово посещало храмы, крестило детей, в домах крестьяне продолжали держать иконы [7, л. 34–36]. В пос. Нижний Баскунчак под влиянием проповеди священнослужителей зафиксированы выходы из партии (Там же, л. 35 об). Согласно тому же документу, в Агитпропотделе и СБ обнаруживалась сильнейшая потребность в грамотных работниках (Там же, л. 34–36). Этот факт является косвенным свидетельством отсутствия поддержки со стороны населения деятельности этих структур.

Таким образом, в первой половине 1920-х гг. религиозность сельского населения губернии продолжала оставаться на высоком уровне. Это происходило на фоне низкого доверия крестьянства к государственной власти. В настоящее время по причине отсутствия необходимых данных не представляется возможным восстановить четкую статистическую картину религиозности сельского населения. По неофициальным данным за 1920 – 1925 гг., религиозность в деревнях снизилась только на 10% (до революции – 100%) [4, с. 773]. Городское население Астраханской губернии к середине 1920-х гг. проживало только в Астрахани и насчитывало около 175 тыс. человек. При этом этнических православных (русских, украинцев, белорусов) было около 139 тыс. [3, с. 34–51]. В 1917 г. в Астрахани существовали 51 приходской храм и 3 монастыря. Община каждого насчитывала 1500 – 2500 человек (взрослого населения) [1, л. 20]. После массового закрытия храмов и монастырей к 1924 г. осталось 27 приходских церквей [8, л. 39]. Уменьшение числа храмов существенно не повлияло на лояльное отношение населения к церкви – в соответствии с уменьшением количества храмов увеличивалась численность их общин [1, л. 33].

В отличие от населения сел и деревень многие городские жители были вовлечены в активную церковную жизнь. Это выразилось в деятельности так называемого Союза церковно-приходских православных общин Астраханской епархии. Эта организация, зарегистрированная еще в 1919 г., по своей форме являлась коллегиальным органом – в ее работе участвовали делегаты от каждого прихода (не священнослужители). Деятельность Союза распространялась на регулирование взаимоотношений между церковными общинами (приходами), внутри них, а также между общинами и органами государственной власти [6, л. 39]. Согласно уставу, работа Союза общин была направлена также на восстановление церковного образования для детей и взрослых, организацию пасторских курсов, церковно-певческой школы, духовных библиотек и читален, богаделен и мн. др. [2, л. 8]. Таким образом, церковные общины были объединены для осуществления задач, прямо противоположных тем, которые ставили перед собой государственные органы агитации и пропаганды.

После полного прекращения работы Епархиального совета – высшего местного церковного органа власти – летом 1919 г. Союз церковно-приходских общин оказался единственным легитимным органом управления епархией. Деятельность новой организации в создавшихся условиях охватила многие сферы церковной жизни и, прежде всего, государственно-церковные отношения. Союз общин на протяжении нескольких лет находился как бы на границе государственных и церковных интересов. Из документов видно, что практически не было такого направления государственно-церковных отношений, в которое бы не вмешивался Союз. Во время кампании по закрытию храмов в губернии члены Союза общин вели постоянную борьбу против их конфискации, за возврат и открытие уже отобранных церковных зданий. В документах упоминаются случаи, когда при поддержке Союза приходы выигрывали судебные тяжбы с организациями, пытавшимися завладеть храмами. Имущество многих закрывающихся церквей передавалось в полное распоряжение Союза общин, который мог распределять их на нужды других приходов [6, л. 31, 39].

В связи с активной деятельностью Союза церковно-приходских общин Астраханской епархии на него в октябре 1920 г. обратили внимание центральные органы ВЧК. Причиной стали перехваченные письма из Астрахани в Москву на имя профессора Громогласова, одного из ближайших сподвижников патриарха Тихона. В первом письме сообщалось,

что деятельность Союза «развивается широко: чтение лекций по районам города, преподавание Закона Божия детям разного возраста; и имеет быть открыта пастырско-богословская школа для приготовления кандидатов в священство и все материалы для сего подготовлены; имеет быть открыта церковно-певческая школа для подготовки чтецов и певцов, а равно для реорганизации церковью певческих хоров; катехизаторские братства, организация лекций в уездах для утверждения веры, расширенной влияниями современной стихии; оживление проповеднической деятельности и открытие библиотеки и читальни религиозно-нравственного содержания» [2, л. 5]. Второе письмо, отправленное правлением Союза общин, содержало просьбу: «Доложить Святейшему Патриарху Тихону и испросить Его Высокоархипастырского благословения на труды нового правления, во-вторых, личными советами и указаниями ходатайствовать успеху деятельности союза на пользу Церкви Христовой» (Там же, л. 9). Из вышеприведенных фрагментов явствует, что Союз поддерживал связь с ближайшим окружением главы РПЦ. Как видно из первого письма, была развернута бурная просветительская деятельность. Именно эта работа стала мощным противовесом антирелигиозной пропаганде губернских агитпропов. К тому же, судя по масштабам проводившейся работы, Союз общин не имел, в отличие от своих оппонентов, недостатка в средствах и квалифицированных кадрах.

В Москве письма были изъяты. 12 ноября 1920 г. арестованы делопроизводитель протоиерей Г. Степанов, а также члены правления Союза М.П. Спасский, А.Т. Паршин, П.Г. Никифоров и Д.И. Пряхин [2, л. 49]. После следственных мероприятий ГубЧК вынесло постановление, в котором члены правления Союза были представлены как контрреволюционеры. Одновременно указывалось, что «переписка, направленная к московскому профессору, по своему содержанию не носит погромный, прозаговорщический характер, а только узкое обращение контрреволюционно настроенных лиц к своему же кругу» (Там же, л. 37). На основании изложенного дело решено было прекратить.

После закрытия дела Союз церковно-приходских общин продолжил свою работу. Во время кампании по изъятию ценностей ему принадлежала ведущая роль в отстаивании интересов церкви. В 1922 – 1924 гг. деятельность Союза была направлена на преодоление «обновленческого» раскола в среде астраханского духовенства. Причем в этой ситуации ему удалось повести за собой большую часть священнослужи-

телей и мирян, несмотря на столкновения с правящим астраханским епископом Анатолием (Сokolовым), принявшим «обновленчество».

Несмотря на то, что религиозность городского населения в первой половине 1920-х гг. продолжала оставаться высокой, антирелигиозная агитация и пропаганда в городе была более успешной, чем на селе. Организация массовых мероприятий («комсомольское рождество», «комсомольская пасха», антирелигиозные диспуты и т.п.), а также давление со стороны органов власти позволили Агитпропотделу и СБ достичь определенных успехов прежде всего в молодежной среде. По неофициальной статистике, ко второй половине 1920-х гг. уровень религиозности городского населения снизился на 20% [8, с. 788]. Все вышеизложенные факты подводят нас к следующим выводам. В 1920 – 1925 гг. в Астраханской губернии уже наметилась тенденция к постепенному снижению количества верующего населения. В то же время религиозность в целом находилась на высоком уровне – около 80–85% всего населения были верующими. Государственные мероприятия не пользовались популярностью у большинства. Крестьяне относились к новой власти с недоверием, а иногда и с откровенным презрением. В этой связи агитация и пропаганда не имела у сельских жителей заметного успеха. В создавшейся в 1920 – 1925 гг. ситуации они больше тяготели к православию и не были восприимчивы к мероприятиям, проводившимся Агитпропотделом. Данные о численности городских православных общин свидетельствуют о преобладании религиозного населения в Астрахани. В свою очередь, деятельность Союза церковных общин показывает активную религиозную позицию верующих горожан в указанный период.

Литература

1. Акты передачи церквей религиозным общинам (1924 г.) // Государственный архив Астраханской области, ф. 1, оп. 1, д. 734.
2. Архив Астраханского УФСБ, д. 2674-с.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928 – 1929. Т. 9.
4. История Астраханского края: монография. Астрахань: Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 2000.
5. Коммунист: Печатный орган Губернского исполкома ВКП(б). 1921. 22 дек. № 288.
6. Протоколы заседаний комиссии об отделении церкви от государства за 1920 г. // Государственный архив Астраханской области, ф. 1, оп. 1, д. 26.
7. Протоколы совещаний антирелигиозного актива при Губкоме ВКП(б) // Государственный архив Астраханской области, ф. 3337, оп. 1, д. 1.

8. Регистрационные списки религиозных общин Астраханской губернии (1923 – 1927 гг.) // Государственный архив Астраханской области, ф. 1632, оп. 1, д. 780.

9. Сведения о политическом состоянии каждой волости Енотаевского уезда (секретно) // Государственный архив Астраханской области, ф. Р-447, оп. 1а, д. 2.

10. Сводки о политическом состоянии в населенных пунктах (секретно) // Государственный архив Астраханской области, ф. Р-447, оп. 1а, д. 8.

11. Сводки о политическом состоянии в населенных пунктах с циркулярными указаниями (секретно) // Государственный архив Астраханской области, ф. Р-447, оп. 1а, д. 13.

*Public attitude in 1920 - 1925
of the XX century in the context
of state and ecclesiastical relations
(by the example of the Astrakhan
province)*

There is characterized the influence of the society on the relations between state and church in 1920s. The material is based on the documents from the Astrakhan archives funds.

Key words: church, state, society, religion, church history, anti-religious work.

Е.В. САРТИКОВА
(Элиста)

**КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
КАЛМЫКИИ (1920 – 1941 гг.)**

Показан механизм реализации государственной политики по подготовке педагогических кадров, повышению профессиональной квалификации учителей.

Ключевые слова: профессиональное образование, кадры, техникум, рабочий факультет, педагогический институт.

Огромной проблемой развития школы была нехватка профессионально подготовленных и компетентных преподавателей. Отсутствие специалистов становилось часто непреодолимым тормозом и в других сферах: в на-

родном хозяйстве, управлении и т. д. В результате творческого поиска в стране и ее регионах сложилась новая система педагогического образования. Для Калмыкии создание полноценной системы профессионального образования имело особое значение. Квалифицированные учителя, врачи, специалисты сельского хозяйства исчислялись буквально единицами, а инженерно-технических работников не было совсем. Начальная школа в Калмыкии, как и в ряде других национальных регионов страны, не обеспечивалась преподавательскими кадрами. Естественно, что на решение этих проблем было обращено большое внимание.

В 1919/20 уч. году Калмыцкий отдел народного образования организовал краткосрочные педагогические курсы для подготовки учителей школ 1-й ступени, а также двухгодичные курсы в Астрахани, на которые были приняты 22 слушателя (НА РК, ф. Р-25, оп. 1, д. 3, д. 3, 37)*. Заведующим курсами был назначен А.С. Рогов, преподаватель математики, бывший работник Астраханского отдела народного образования. 1 июля 1921 г. курсы были преобразованы в трехгодичные. Постепенно накапливался опыт организации их работы, что способствовало преобразованию курсов в Калмыцкий педагогический техникум, который был открыт в 1923 г. Программа была рассчитана на 4 года обучения. Педагогический техникум осуществлял подготовку квалифицированных учителей начальных школ (НА РК, ф. Р-25, оп. 1, д. 3., л. 15, 17, 18, 22). Для решения этой задачи большую организаторскую работу вели директора Калмыцкого педагогического техникума А.С. Рогов, Э.Б. Болдырев, Д.П. Педеров, З.Б. Кендышев.

В Калмыцкий педагогический техникум набирали 3 курса – два общеобразовательных и один по подготовке учителей для единой трудовой школы 1-й ступени. При педтехникуме имелась еще подготовительная группа, а также опытная школа (Там же, л. 124). В учебном плане больше места было отведено общеобразовательным предметам, что объяснялось особенностями Калмообласти. Первостепенное значение имело изучение русского языка. План 1923/24 уч. года был рассчитан на 176 недельных часов, включая и подготовительную группу. Но уже в ноябре выяснилось, что средства, отпускаемые центром, покрывали только 30% потребности, а потому он был сокра-

* Здесь и далее в круглых скобках указаны источники со с. 89